

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.4>

Евдокимов Александр Викторович

**ДВЕ ВЕРСИИ ПРОЧТЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Э. ХЕМИНГУЭЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА**

В публикации впервые рассматривается работа А. П. Платонова на каждом из этапов подготовки статьи о творчестве Э. Хемингуэя. Также впервые проводится ее текстологическое исследование, сравниваются две редакции материала: из журнала "Литературный критик" и из сборника "Размышления читателя", которую следует считать основной. Установлено, что при подготовке материала для сборника Платонов переработал текст, поменял абзацы местами, добавил целое предложение, что свидетельствует о существенном пересмотре Платоновым идейно-художественной позиции Хемингуэя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-3/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 3. С. 441-444. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ARTISTIC CONCEPTION OF A PERSONALITY IN L. A. SYCHEVA'S STORY "GIRLS, BOYS..."

Balayan Iona Levonovna*Armavir State Pedagogical University**Iona.balayan@yandex.ru*

The article for the first time in domestic literary criticism considers the artistic conception of a personality in the prose of the modern Russian writer L. A. Sycheva; this research area has not been previously studied. It is shown that the comprehension of the conception of a personality is possible only when referring to its typology. The author identifies the typology of personages in the story "Girls, Boys...", evaluates different personality types (Christian, ambivalent, egocentric) from the metaphysical, spiritual and moral view, examines the main personages' value system expressed by this typology.

Key words and phrases: L. A. Sycheva; personality; artistic conception of personality; personality typology; conciliar personality type; ambivalent personality type; egocentric personality type.

УДК 82-1/9

Дата поступления рукописи: 01.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.4>

В публикации впервые рассматривается работа А. П. Платонова на каждом из этапов подготовки статьи о творчестве Э. Хемингуэя. Также впервые проводится ее текстологическое исследование, сравниваются две редакции материала: из журнала «Литературный критик» и из сборника «Размышления читателя», которую следует считать основной. Установлено, что при подготовке материала для сборника Платонов переработал текст, поменял абзацы местами, добавил целое предложение, что свидетельствует о существенном пересмотре Платоновым идейно-художественной позиции Хемингуэя.

Ключевые слова и фразы: Андрей Платонов; Эрнест Хемингуэй; литературная критика; «Размышления читателя»; «Навстречу людям»; «Разрушение хижины одинокого человека».

Евдокимов Александр Викторович, к. филол. н.*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва**alex-evd99@mail.ru***ДВЕ ВЕРСИИ ПРОЧТЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Э. ХЕМИНГУЭЯ
В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА**

Работа над статьей о творчестве Эрнеста Хемингуэя у Андрея Платонова не была одномоментной. Текст развивался от одной редакции к другой. Мы рассмотрим особенности каждого из них, сравнив публикации автора в разное время. Вначале, сразу после выхода в СССР романа «Прощай, оружие» американского писателя, он пишет небольшую заметку для «Литературной газеты» под названием «Горе безоружным» [6]. Заметка была опубликована под псевдонимом Ф. Человек. Но даже если бы были хоть какие-то сомнения у текстологов, атрибутировать статью было бы несложно. Этот псевдоним часто использовался Платоновым – в частности, так он подписал статью [8] в «Литературном обозрении» «Страдания молодого одиночника» о повести К. Горбунова «Семья». Она вышла чуть ранее – в 1937 г. Но под псевдонимом Ф. Человек вышли и некоторые последующие критические эссе, например о «Малахитовой шкатулке» П. Бажова в 1940 г. [7].

В целом заметка соответствует, за исключением некоторых сокращений, редакции, появившейся затем в сборнике «Размышления читателя». В этом первоначальном варианте была еще одна фраза, которую автор почему-то потом снял: «Мы хотим сказать, что не всякая, не “любая” цена подходяща для писателя, а только недорогая» [6]. Этих слов нет ни в одной из последующих, основных, редакций: ни в «Литературном критике», ни в «Размышлениях читателя».

Платонов считал, что Хемингуэй, рассказывая о первой встрече Генри с Кэтрин Баркли, прибегает к «циничному, грубоватому лаконизму изложения», стремясь «любой ценою найти новую, нешаблонную, действующую на читателя форму изображения» [3, с. 427]. И ему, видимо, показалось, что американский писатель неправ, что цена не может быть столь дорогой, но в конце концов он вынужден согласиться с Хемингуэем, так как и сам не знает лучшего решения сцены первого поцелуя Генри и Кэтрин Баркли. Поэтому, вероятно, Платонов и опускает свое возражение, отметив, правда, что «механичность чувства человеческой любви тоже ведь не точная истина, а лишь литературная, изысканная нарочитость» [Там же].

Что касается непосредственно основных редакций – опубликованной в журнале «Литературный критик» и подготовленной для сборника «Размышлений читателя», то они различаются в целом ряде эпизодов. В последней, в частности, полностью опущена вторая часть статьи, посвященная роману «Иметь и не иметь». Ну и в целом в сборнике Платонов внес существенные коррективы, вставил целое предложение в начало статьи, раскрывающее видение им творческой задачи, которую поставил перед собой Хемингуэй: «Из чтения нескольких произведений американского писателя Эрнеста Хемингуэя мы убедились, что одной из главных его мыслей является мысль о нахождении человеческого достоинства, стремление открыть истинного, т.е. не истязающего себя и других, человека, притом нашего современника» [5, ед. хр. 103].

Таким образом, становятся понятными слова Платонова об «инстинктивном страхе Хемингуэя власть в пошлость, в бестактность характеристики любого своего героя» [3, с. 425]. Причина этого страха содержится, по его мнению, в «обостренном чувстве такта у писателя» [Там же, с. 426], а само это чувство является «средством борьбы с пошлостью, со скрытой распущенностью, святошеством, удушающим угнетением, с почти демонстративным оглушением высших слоев общества» [Там же].

Подробно рассуждая о скрытых побудительных мотивах Хемингуэя, Платонов раскрыл свой собственный «инстинктивный страх». 1938 год – страшный год в его жизни, год ареста любимого сына Платона. В этот момент ему очень хотелось вырваться из замкнутого круга безысходности и горя, найти свою «Швейцарию», подобно лейтенанту Генри из романа «Прощай, оружие». Но возможности бежать, как у героя Хемингуэя, у него не было. Мечта о спокойном счастье осталась для него несбыточной, и в результате в сборнике «Размышления читателя» Платонов даже кардинально поменял название статьи, вместо жизнерадостного «Навстречу людям» появилось мрачное, пессимистическое «Разрушение хижины одинокого человека» [5, ед. хр. 103].

В своей статье Платонов задается вопросом о причинах бегства Генри и Кэтрин в Швейцарию. По его мнению, к этому их подтолкнули война и «ее современное последствие» – фашизм, именно эти страшные явления осуществляют дело «ликвидации человека во всех отношениях, вплоть до физического» [3, с. 428]. Платонов воспринимал Генри как самого себя в сходных обстоятельствах. «Он (Генри. – А. Е.) храбро пытается отстоять перед империализмом, – пишет Андрей Платонов, – свои человеческие права, нужду и достоинство, – пусть это ему удастся сделать лишь в самых простейших, почти животных элементах, но ведь его могучий противник хочет отнять у него абсолютно все – жизнь...» [Там же, с. 429].

Платонов видит выход из сложившейся ситуации в любви, которая очищает душу, измученную жестокостью мира, наделяя человека единственно возможным в такое время счастьем. Но любовь для Платонова не может быть самоценной. «Любовь, – считал он, – любит нечто нелюбовное, непохожее на нее» [Там же]. Иначе она начнет уходить, перерождаясь в некое физиологическое явление, лишённое чувств и радости. Любовь Генри и Кэтрин из «Прощай, оружие» испытывает как раз такую метаморфозу, так как она принимает в его понимании с самого начала «солдатские», «жадно-примитивные» [Там же] формы. Он даже упрекнул Хемингуэя практически в том же, в чем его самого обвинял беспощадный его критик А. Гурвич, – в уходе от реальности в мир своей любви героев, которая «к концу романа стала приобретать все более болезненные качества, вырождаясь в почти непрерывное, гнетущее наслаждение любовников друг другом и уединенной жизнью» [Там же]. Так же точно А. Гурвич оценивал любовную линию платоновской повести «Фро»: «Чтобы любить, надо покинуть свой важный гражданский пост; чтобы твердо стоять на посту, надо бежать от любимого человека, от любви» [1, с. 399].

Платонов использовал эту парадоксальную идею о «вредности» любви для общественных интересов применительно к героям Хемингуэя, возможно, отчасти пародируя таким образом Гурвича: «Истинная действительность, от недостатка которой втайне томились и Кэтрин и Генри, пытаюсь целиком заменить ее патологической любовью, прячась в свою общую постель, в темную ночь от светлых дней, – эта истинная действительность и тогда состояла не из одного империализма, – они осознали себя его врагами и решили преобразовать действительность» [3, с. 430].

Империализм выступал у Платонова в роли воплощения зла, подобно фашизму из его «пушкинских» статей, это еще одно имя разрушительной силы, обуздать которую по силам было только Пушкину. Заслуга же Хемингуэя состоит хотя бы в том, что он верно указал на этот источник опасности, а выявив его, попытался спасти своих героев в одинокой швейцарской хижине. Но спасение не удалось: умирает Кэтрин, рождается мертвым ее ребенок. Финал романа Хемингуэя Платонов назвал «двойной катастрофой», причина которой в войне и жестоком империализме, который «подавляет и заражает не только людей, но и самую землю и траву». Критик, констатировав в духе времени, что «вовсе и не надо было прощаться с оружием» [Там же, с. 432], вместе с тем огорченно заключил, что «идиллической хижине сейчас не может быть в мире» [Там же, с. 433]. Все поглощает всеокрушающая сила фашизма и империализма, которым нужен весь мир – «до крайней глубины человеческой души, до последнего убежища в горной пещере и до последней сосны» [Там же, с. 434]. Мир ждет глобальная катастрофа, вселенский апокалипсис, он будет разрушен вместе с убежищем «чужого», «одинокого» человека.

Платонов сопоставил в редакции журнала «Литературный критик» героев двух романов Хемингуэя: Генри («Прощай, оружие») и Гарри Морган («Иметь и не иметь»). Каждый из них по-своему пытается спастись от неминуемого уничтожения, хочет остановить страшную силу империализма. Однако для Платонова «оба пути – заблуждение» [Там же, с. 435], путь Генри ведет к «одиночеству и хижине с женой» [Там же], а путь Гарри – и вовсе к смерти. Осознание невозможности жить в сегодняшнем мире сближает их, делает едва ли не родственниками «по грустной судьбе» [Там же]. Но Гарри Морган, бедный американский моряк, ближе Платонову, ибо только он пусть на краткое время, но обратился, умирая, «к истинному сознанию и к сожалению, что он, бедняк, с самого начала жизни не пошел по общей дороге бедняков» [Там же, с. 434].

Душевные бедняки – идеальные герои для самого Платонова. Хотя Гарри Морган, занимающийся контрабандой, не очень похож на платоновских Пухова или Сарториуса, но для автора важно, что перед смертью он «покаялся, как разбойник на кресте» [Там же, с. 435]. Важно и то, что если лейтенант Генри только бежит от гнетущей атмосферы империализма и войны, то Морган уже пытается что-то изменить. Подчеркивая активную позицию этого персонажа, критик сопоставил его с Элбертом, другом и помощником. Элберт «действительно неимущий», «обычный рабочий и бедняк» [Там же, с. 437], но, так как он не готов бросить вызов своей судьбе, злобному могуществу империализма, ему придется прийти к победе «в последних рядах своего класса» [Там же].

В представлении критика Хемингуэй превращает своего героя в таран, способный «пробить брешь в крепости счастья, богатства и жизненного успеха и прорваться туда, внутрь крепости» [Там же, с. 440]. Сопоставление это несколько меняет первоначальную установку об Америке как воплощении империализма, блеска золота и пустых иллюзий.

Америка для автора при всем ее величии несет в себе губительное для духа материальное начало апокалиптического Вавилона. По мнению Андрея Платонова, это ложный путь цивилизации, но и истинный путь Святой Горы Афонской еще недоступен для человечества. «Афонская» и «американская» линии в творчестве Платонова столкнутся как раз в статье о Хемингуэе, где ложные пути Генри и Гарри Моргана противопоставлены истине, которую несут в себе женские образы – Кэтрин, которая «ценою своей жизни... достигла, вероятно, некоего улучшения Генри как человека» [Там же, с. 428], и Мария, «ученица своего мужа» Гарри Моргана, «женщина большого характера и тяжелой любви» [Там же, с. 439]. Затем еще более зримо пути Америки-Вавилона и Афона как прообраза Небесного Иерусалима пересекутся в последней незаконченной пьесе «Ноев ковчег (Каиново отродье)», которую написал уже тяжело больной Платонов в последний год своей жизни.

Апофеозом отрицания прежней мечты стала безумная трагедия «Ноев ковчег» (1951 г.), где ложный путь Агасфера, по которому идет Америка, персонифицирован Шопом, Альбертом Эйнштейном, конгрессменом, Чарли Чаплиным, нунцием папы Римского Климентом и Генри Полигнойсом (символично само совпадение его имени с персонажем романа Хемингуэя «Прощай, оружие»), убившем «брата своего Авеля», Иезекииля Секерву, а истинный путь брата Христа Иакова реализован в облике глухонемой Евы, частично в закадровом образе Сталина, который должен был спасти гибнущую экспедицию, и в персонажах, которые должны были в незавершенной части выполнить его волю, – Симоняне, председателе колхоза «Арарат», и Петрове, советском корабельном инженере.

Страшная фантазмагория конца света с мнимой находкой остатков Ноева ковчега, уничтожением мира американскими бомбами и, видимо, конечным спасением людей на сталинском корабле знаменует завершение темы «американской» цивилизации и ее культа в раннем творчестве самого Платонова. Сфабрикованный ковчег – это реквием по пустым мечтам, по бессмысленности оплакивания «хижины одинокого человека» перед лицом вселенской катастрофы. «Такова воля Америки!» [4, с. 100], – говорят платоновские герои. Все есть у Америки, не было только «какого-либо имущества прямо из библейского хозяйства» [Там же, с. 107], и его придумал Шоп. «А почему именно Ноев ковчег? А потому, что это есть знак и прямое указание бога Америке, Бог говорит: Америка, строй твой ковчег, спасай человечество!» [Там же], – провозглашает на «всемирном конгрессе» американский парламентарий. Мир не выдержал столь непомерных амбиций и стал в фабуле послевоенного платоновского произведения опускаться в пучину нового вселенского потопа.

В статье о Хемингуэе Платонов решил, что одному человеку не выжить под натиском невзгод, что ему нужно объединиться с такими же несчастными людьми, хотя для автора сам по себе вопрос «жить сообща или в одиночку» [3, с. 433] уже бессмысленен.

Задача художника – в преодолении рокового развития событий, в осознании того, что «империалистическому ходу вещей необходимо... противопоставить пролетарский, революционный ход вещей» [Там же, с. 438]. Хемингуэю это удалось лишь отчасти, потому что он то и дело превращает этику в эстетику. Он, желая показать этическое в человеке, «стыдится... назвать его своим именем» [Там же, с. 426], прибегая для изложения к чисто эстетическим средствам. На наш взгляд, критик отметил в творчестве Хемингуэя как раз свойства собственной литературы, где за сказовой манерой часто скрывался поиск нравственных устоев человеческой жизни.

Платонову не нравилась не сама творческая манера Хемингуэя, а то, как он собственно «охлаждает», «облагораживает» свой стиль. Сам критик никогда не прибегал к отстраненному восприятию своих героев, он всегда стремился жить вместе с ними, сопереживая им и даже как бы желая помочь, если это было вообще возможно с художественной точки зрения. На эту особенность его метода обратила внимание исследователь Р. Орлова, очень точно указав в своей статье: «Хемингуэй – особенно в молодости – не выносил чужого страдания. Платонов погружался в страдание» [2, с. 84].

Слабость отождествления эстетики и этики для Платонова в том, что эстетика выполняет только «служебную, транспортную роль» [3, с. 426]. Платонов, подтверждая эту мысль, прибегает к неожиданной, но характерной для себя метафоре, сопоставив эстетику с электрической линией высокого напряжения, которая «расходуется, однако, много энергии на себя, и эта энергия безвозвратно теряется для читателя-потребителя» [Там же]. Безусловно, это замечание критик адресовал не столько Хемингуэю, сколько всем писателям вообще, в том числе и себе самому. Важно не утаить то доброе, «этическое», что хочет автор принести своим произведением людям, в море чисто художественных, «эстетических» приемов.

Заканчивая статью, Платонов прямо обратился к Хемингуэю с просьбой, чтобы «им был изображен человек, который был бы способен подавить человечностью бесчеловечность, социализмом империализм» [Там же, с. 441]. Ведь именно этого от него ждут все «размышляющие читатели», живущие не только в Америке, но и в Советском Союзе. Хемингуэй выполнил просьбу своего русского коллеги. Повесть «Старик и море» получила Нобелевскую премию мира, повесть, написанная, по признанию самого автора, под влиянием Андрея Платонова.

Изучение текстологии статей А. П. Платонова о Хемингуэе показывает, что основной следует считать редакцию, которая должна была быть опубликована в сборнике «Размышления читателя». Именно она в полной мере отражает его авторскую волю.

Тем не менее в публикациях после смерти писателя используется редакция, которая была им подготовлена для журнала «Литературный критик». Это обусловлено тем, что сборник «Размышления читателя» в том виде, как это планировал сам писатель, так и не был издан. В 1938 г. он был изъят и сохранился лишь в одном экземпляре, подаренном супруге. До настоящего времени он все еще не выпущен так, как хотел сам автор. Именно этой точки зрения придерживался и классик платонововедения Л. А. Шубин [10].

Настоящее исследование наглядно доказывает, что перед платонововедами стоит сейчас задача представить текст литературно-критических статей именно в том виде, как они были подготовлены Андреем Платоновым для указанного сборника. Хочется верить, что в процессе выпуска Полного академического собрания сочинений А. П. Платонова именно так и поступят исследователи. Хотя применительно как раз к статьям о творчестве Хемингуэя это приведет к публикации сокращенной версии, без части, посвященной роману американского писателя «Иметь и не иметь». Конечно, редакция, представленная в журнале «Литературный критик», в этом случае обязательно должна быть опубликована отдельно.

Главное – не допустить смешения разных редакций, когда одни статьи будут представлены в одной редакции, а другие – в иной. Но касается это только тех из них, что были включены в сигнальный экземпляр сборника. Все остальные, разумеется, должны быть опубликованы так, как они выходили в периодической печати. Одной из них могло бы стать яркое эссе [9] о романе А. Савчука «Так начиналась жизнь», написанном, похоже, под влиянием очень нравившегося Платонову «Как закалялась сталь» Николая Островского.

Правильный выбор источника основного текста важен не только для текстологии, но и для изучения поэтики, творческой концепции Андрея Платонова. Ведь литературная критика, в том числе статьи о романах Хемингуэя, была для него средством реализации себя как художника в конце 1930-х гг. Только так он мог воплотить в художественной форме свои идеи как писатель. Соответственно, отметив их, мы сможем понять тот порой зашифрованный смысл, который был заложен им в произведениях других жанров, и не только в 1930-е гг., но и в другие периоды.

Именно в литературной критике Андрей Платонов выстроил оригинальную картину мира. И статьи о Хемингуэе заняли в ней свое важное место. Они показывают, по мнению критика, что современный мир лежит в пустыне империализма, а простому человеку спастись в нем очень и очень тяжело. Его «хижина одинокого человека» разрушается. Однако «душевные бедняки» (а положительных персонажей Хемингуэя Платонов относил именно к ним) способны найти путь своего спасения.

Список источников

1. Гурвич А. С. Андрей Платонов // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии / сост. Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубина. М.: Современный писатель, 1994. С. 358-414.
2. Орлова Р. Д. Русская судьба Хемингуэя // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 77-107.
3. Платонов А. П. Навстречу людям (по поводу романов Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!» и «Иметь и не иметь») // Платонов А. П. Собрание сочинений: в 3-х т. / под ред. В. А. Чалмаева. М.: Советская Россия, 1985. Т. 2. С. 425-441.
4. Платонов А. П. Ноев ковчег (Каиново отродье) / публ. М. А. Платоновой, подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко // Новый мир. 1993. № 9. С. 97-140.
5. Платонов А. П. «Размышления читателя». Титульный лист и оглавление-автограф. Верстка с дарственной надписью жене Марии Александровне // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2124. Оп. 1.
6. Человеков Ф. [Платонов А. П.] Горе безоружным // Литературная газета. 1938. 30 июня.
7. Человеков Ф. [Платонов А. П.] «Малахитовая шкатулка» (о повести П. Бажова) // Детская литература. 1940. № 6. С. 3-6.
8. Человеков Ф. [Платонов А. П.] Страдания молодого одиночника // Литературное обозрение. 1937. № 13. С. 3-6.
9. Человеков Ф. [Платонов А. П.] «Так начиналась жизнь» (роман А. Савчука) // Литературное обозрение. 1938. № 6. С. 192-205.
10. Шубин Л. А. Критическая проза Андрея Платонова // Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об А. Платонове. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С. 231-248.

TWO VERSIONS OF ERNEST HEMINGWAY'S CREATIVITY INTERPRETATION IN ANDREI PLATONOV'S LITERARY CRITICISM

Evdokimov Aleksandr Viktorovich, Ph. D. in Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

alex-evd99@mail.ru

For the first time the article examines A. P. Platonov's work at each stage of the preparation of the essay on E. Hemingway's creative work. It is also the first time that its textological research is carried out, and two main editions of the material are compared: in the journal "Literary Critic" and in the collection "Reflections of the Reader" – the latter should be considered the main one. It is ascertained that when preparing the material for the collection, Platonov reworked the text, rearranged the paragraphs, added the whole sentence, which indicates a substantial revision of Hemingway's ideological-literary position.

Key words and phrases: Andrei Platonov; Ernest Hemingway; literary criticism; "Reflections of the Reader"; "Towards the People"; "Destruction of the Lonely Man's Hut".